

ЕВГЕНИЙ
АЛЕХИН

ЛУНОХОД-1

18+

содержит
цензурную
орону

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

евгений
алехин

ЛУНОХОД-1

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРГОДЕЦ

Москва • 2024

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6
КТК 6101
А49

Иллюстрации Жени Комельфо

Алехин Е.

А49 Луноход-1 : [Повести] / Евгений Алехин. — М. : ИД «Городец», 2024. — 280 с.: ил. — (Серия «Во весь голос»).

«Можно писать только о том, что знаешь», — твердят мастера пера, но никто не знает о себе толком, поэтому жанр автобиографии сложнее, чем кажется. В трех повестях, вошедших в эту книгу, предельная откровенность Евгения Алехина выходит на доселе непокоренную высоту. Без попытки оправдаться, без желаний обвинить в своих успехах и неудачах весь мир, лирический герой обретает опыт, из которого, как цветок из-под асфальта, вырастает личность. Ведает ли эта личность, какая она, что ждет героя — детали и тонкости, важен процесс обретения «я», восхождения к нему, которое без лишней скромности и ненужного пафоса описано на этих страницах.

ISBN 978-5-907762-19-0

© Алехин Е. И., 2024

© Женя Комельфо, иллюстрации, 2024

© ИД «Городец», 2024

луноход-1

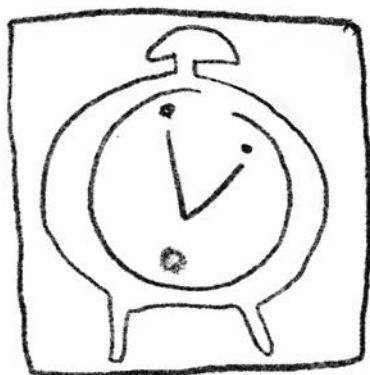
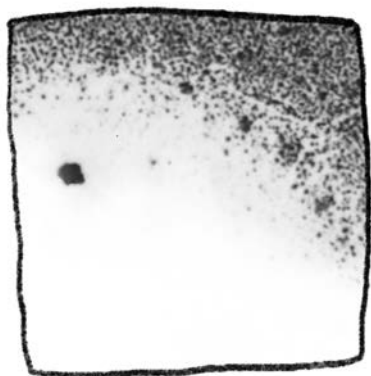

Господь поручил им возделывать и хранить этот сад. Адам и Ева постоянно пребывали в общении со своим Создателем. На картинке вы видите, что их глаза обращены к Богу — поэтому они счастливы. Когда наши глаза и сердца устремляются к Господу, мы тоже становимся счастливыми.

Детская Библия

Здравствуй, небо!
Я Луноход-один.
Здравствуй, Солнце!
Я Луноход-один.
До свидания, Земля!

«Манго-Манго»

1

по центру экрана — едва заметный скол. Если позволить себе обратить на него внимание, то невозможно будет перестать думать о нем. Так случайный и незначительный элемент становится центром нового мира, ядром сферы, разрастающейся во все стороны от одного-единственного штриха. «Создать новый документ». Создал, посмотрел на чистый лист, придумал, как расположить его на экране, чтобы скол не вторгался в творческий процесс. Рабочая область теперь слева от скола, темно-серая полоска прокрутки страниц на нем, рабочие элементы сразу справа: «стиль», «макет», «шрифт» и так далее. За границами текстового редактора чистый рабочий стол, на котором установлен нейтральный фоновый снимок. Вечер в далеких краях; нереалистичный, почти марсианский ландшафт, расставленные через аккуратный интервал вдоль дороги фонари, а за фонарями — горы. Одинокий автомобиль, легкий фургончик,

едва заметен и стремится по дороге к середине кадра. Над горами две трети занимает блекло-голубое небо с облаками, отражающими сиренево-фиолетовый цвет песка, которым покрыты холмы и пространства. Выбрал именно эту фотографию из-за ее геометрической точности и цветовой гаммы, из-за спокойной насыщенности вечернего режима, способствующей процессу сотворения у аккуратного художника.

Так начинается приключение, путешествие туда, где «я» еще не существует. Но человеческие часы уже запущены родителями, крошечным миром безызвестного городка. Маленькое существо чувствует, что такое время, знает, что такое голод, ловит запах матери и ее тепло. Существо слышит глубокий, музыкальный голос отца, между баритоном и басом. Голос становится неотрывным от прикосновений, более редких, чем материнские, более важных, мистических, успокаивающих. Так вышло, что тело требует материнской груди, а дух жаждет отцовских рук и музыки непонятных пока слов.

Первые шаги из вечности к мирскому. Сперва кажется, что удастся прожить жизнь понарошку, сохранив все ключи. Прокатиться через любовь. Жизнь манит, как греза, как сладкий сон. Поддавшись родительским уговорам, целиком переместился в уязвимое мирское тельце. Кроме них, здесь будут возникать и другие люди. Первое на очереди создание — сестра. Ее голова с двумя пучками волос по бокам возвышается над кроватью. Любопытный и ревнивый взгляд изучает. Ее жестокость и сентиментальность станут первыми отрезвляющими элементами в этой утопии.

Замер, читая это лицо.

Лицо улыбнулось, потянул к нему руку, тронул за глаза. Лицо сестры скорчилось в гримасе и издало неприят-

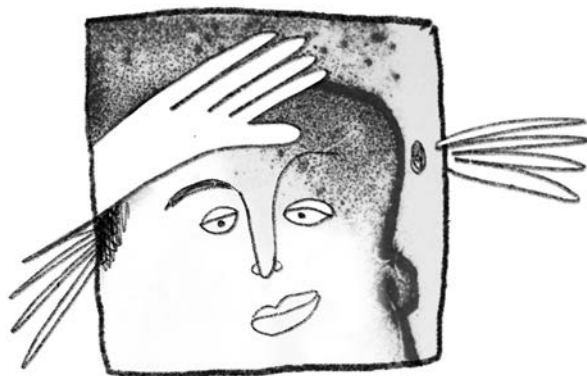
ный звук. Смешок или предостережение. В ответ сработала сирена, испуг, боль, то, что станет основой для будущего «я».

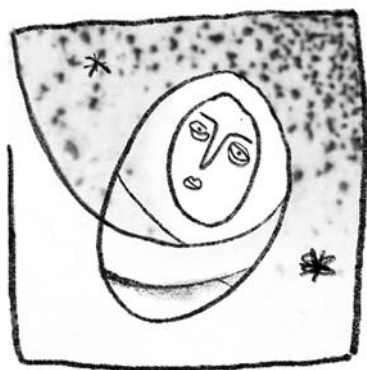
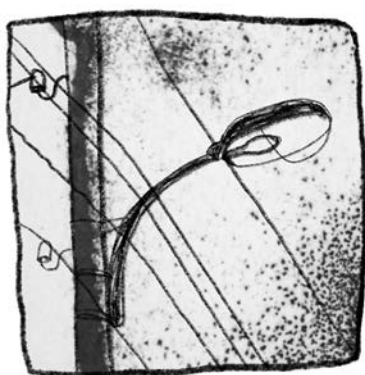
— Не трогай его! Оля! По рукам!

— Я не трогала, это он трогает! Я не трогала, чего он кричит?

— Уйди от него. Тихо-тихо. Все, мама здесь.

Тепло, движение в карусели рук, в материнском запахе, возвращение к тишине. Большая сестринская ревность и легкий, протяженный на целые года страх. От всеобъемлющего, заполняющего мир ужаса до легкой тревоги, привычного фона дней. Наказание всегда рядом, за любой радостью, за любой творческой удачей. Сторон всегда две штуки.

2

ВОСПОМИНАНИЯ О ЯСЛЯХ, скорее всего, ненастоящие. Это догадки и коллажи из обрывков чужих рассказов. Нависающие женщины в халатах, непереводимые на человеческий вопли детей от одного до трех лет. Даже густой аромат этого места, состоящий из запахов еды, детских выделений и взрослого пота, может быть фикцией, более поздним сочинением. Но самое реальное здесь, вот в чем не ощущается никакой подделки, — процесс транспортировки до места, восторженные воспоминания об этом сложном пути, в котором ощущался каждый миг.

Зимний воздух невозможно забыть.

Родительские руки носили укутанного в несколько слоев, как здоровенный кочан, ребенка под мышкой. Чернота раннего утра, белый снег в свете редких фонарей. Дышать можно было только через ткань, на глазах застывали слезинки. Первый цвет, который видел ребенок

в черно-белом мире, — желтый. Ребенок, будущее «я», отделял желтое двухэтажное здание, подсвеченное ранним солнцем, и понимал, что скоро дыханию и зрению будет проще, а кожа перестанет ощущать морозец.

Родительские руки проносили в раздевалку и укладывали на лавку.

«Мы пришли в „Елочку“», — примерно так думал.

Есть вещи, которые ему очень хорошо известны. Например, что, несмотря на то что его тащила мать, все путешествие целиком зависело от его воли. Захотел бы ребенок изменить порядок вещей, захотел бы ребенок остаться дома, мир сменил бы курс, последовав за детской волей. Захотел бы погрузиться в вечный сон или проявить любопытство к ментальным искажениям, отваливающимся от прохожих и незнакомых взрослых людей, — сложившемуся порядку вещей конец. Но ребенок любил порядок, любил безучастно наблюдать за рутинными процессами. Любил быть частью процессов, не протестовать.

От садика что-то осталось навсегда, и вот оно здесь, рядом со взрослой жизнью. Детский сад называется «Елочка», и ребенку представляется сад новогодних елок, на которые вместо игрушек навесили детей. Такое понимание яслей сохранилось навсегда.

Мать и дитя зашли, они внутри. Становится очень жарко, руки снимают одежду, в которую он укутан, слой за слоем.

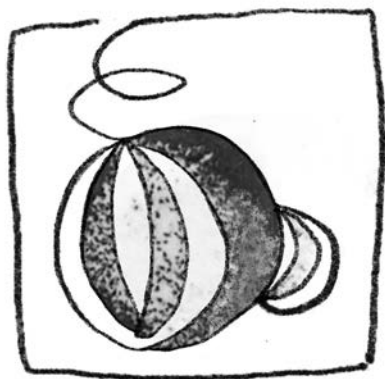
— Сопрел уже весь. Ой, ну чего ты так, диатез опять пойдет, Енечка.

Приятно освободить тело и оказаться в теплом помещении.

— Евгеша, сынок мой.

Поцелуи матери закончились. В привычном состоянии дремы ребенку кажется, что он висит на хвойном дереве, как игрушка из плоти и крови. Просто висит в ожидании, пока его опять заберут домой.

3

В безопасности, которую ощущал с родителями, сразу же забывал о другом мире, детском садике. Там никогда не было чувства, что ты — часть целого, нервы были напряжены, и регистратор работал непрерывно: глаза, руки, дистанция, паузы, новая напасть, крик, толчок, выработка модели поведения, одинаковые ситуации, новые ситуации. Много детей, несколько взрослых. Кто-то толкался, кто-то плакал, воспитатели ругались, редко хвалили, но и от этой похвалы было не по себе.

Больше всего нравились занятия по рисованию, в них погружался полностью. Карандаши разных цветов, и с их помощью можно было изобразить на бумаге воображаемый объект. Нарисовал на альбомном листе арбузы: один, второй, третий. Зелено-желтые, полосатые и с хвостиками. Оказалось, что их много, у каждого свой размер и свои полосы, у каждого свой круг, свой характер. Арбузы горькой

лежат в кузове грузовика. Под грузовиком — камни. Из окна кабины видно голову человека в фуражке. Даже показалось, что услышал, как человек что-то насвистывает.

— Выйди сюда, Женя! Посмотрите, ребята, какой рисунок.

Воспитательница Ольга Борисовна вывела меня на центр ковра.

Вот оно, мучительное детсадовское «я», оно так же разглядывает себя, как и все дети в этот момент.

Первый раз на сцене.

— У нас здесь будущий художник! Садись, молодец. Отдам твоим родителям.

— О-о, вот будущий художник, — сказал кто-то, и кто-то хихикнул.

Я прошел обратно, но не понял, что это было, почему меня сейчас показали другим. Почему кому-то это показалось смешным? Замешкался, и это почувствовал какой-то ребенок.

На прогулке он набросился с воплем.

Оказавшись вниз головой в сугробе, я заплакал. Полное поражение, где-то за деревянной верандой я пытался вырваться, но меня крепко держали и называли художником.

— Витя Карлов! — так я узнал имя обидчика. — Не трогай его! Ну что ты делаешь! Сейчас я тебе уши надеру, в угол пойдешь!

— Это не я.

Воспитательница засмеялась. Витя Карлов был кудрявый, и через пару лет я пойму, что он красавчик и никто из взрослых женщин просто не мог на него злиться.

— Художник! — сказал Витя Карлов, отпуская плачущего меня.

Вечерами часто оставался последним ребенком под надзором усталой воспитательницы. В спальне и на кухне никого, свет горел в одной комнатке, за окнами почти ночная темнота. Игрушки были собраны, и их трогать уже было нельзя, но можно было разглядывать картинки в книжке. Можно было лежать на ковре, иногда я прямо так засыпал.

— Что мне с тобой делать?

У матери были вечерние смены на радио, отец ездил на работу в областной центр. Кемерово — так назывался большой город, наш, маленький, в часе езды, назывался Березовский.

Воспитательница вздыхала, брала в руки вязание.

Я начинал догадываться, что тот счастливый сон о любимой семье, о маме и папе, их руки и голоса, сестра, которая хоть и норовит съесть мои сладости, но могла бы защитить от Вити Карлова, узнай, как он обидел меня, — тот странный и счастливый сон есть такая же жизнь, как и эта. Они, может быть, даже связаны, неразрывны. Сейчас отец придет за мной, я скажу! Надо рассказать им, что сюда отправлять меня больше не надо. Наверное, надо сказать не отцу, а маме, она поймет.

Даже представил себе, как скажу:

— Я больше не буду ходить в садик, дома посижу.

— Ну и правильно, если тебе не нравится, — скажет мама.

— Не нравится. Дома могу рисовать, пока ты на работе. А сестра будет кормить, когда со школы придет.

Но никогда не получалось поймать точку перехода. Я не был один и тот же, обладал разной волей в «Елочке» и дома. Не удавалось примонтировать один мир к другому и стать своим адвокатом за пределами тюрьмы.

Объединение случилось позже, ближе к лету.

Витя Карлов жил в соседнем доме и позвал поиграть вместе на улице.

— Женя! Эй, художник, идем!

С одной стороны, было понятно: он такой же, как и тот парень в садике. Но не набрасывается, не дерется, не втаптывает в землю. Я шел за ним, как за героем сна.

— Давай на качелью? — сказал Витя Карлов.

— Давай.

Покачались на качелях.

— Пойдем лопухи жрать! — предложил Витя Карлов.

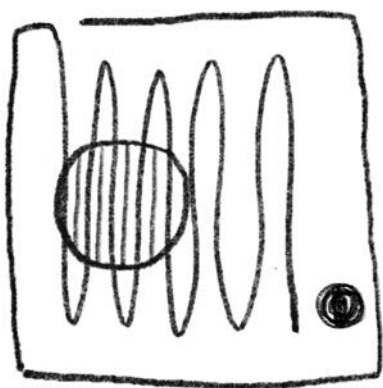
Мы гуляли за домами, и он показал, что у лопуха есть вкусное, сладкое основание. Потом его позвали ужинать, крича в окно. Он ответил так нежно и искренне, не поверишь, что он мог напасть на прогулке:

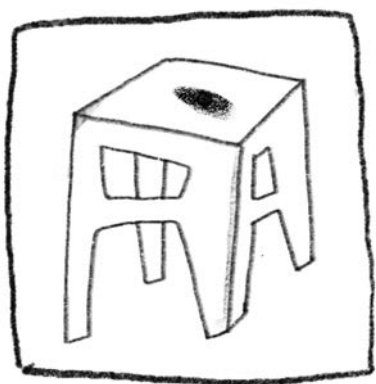
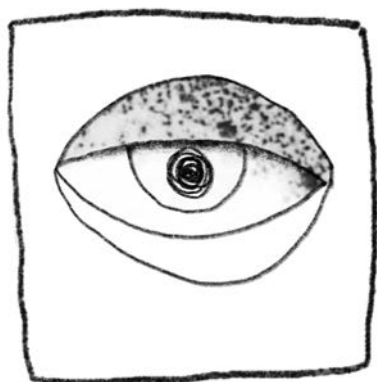
— Я иду, мамуля!

А мне Витя Карлов сказал:

— Хочешь, я в детском саду тоже буду добрым?

— Да.

4

мне уже было четыре, а все еще не получалось написать собственное имя. Кажется, на свете вообще мало людей, которые привыкли к своему имени и уж тем более полюбили его.

— Пиши: Ж-е-н-я.

— Я пишу.

— Нет, ты пишешь «жена».

— «Женя»! Я пишу «Женя». Не «жена»!

Мое имя было одновременно мужским и женским. Еще буква «н» меня смущала, я не мог отделить ее от буквы «л» и произносил всегда что-то между двумя звуками, закрепленными за этими символами. «Ль-нь», где-то около них. А смягчающие сложные гласные: «я», «ё», «ю» — вообще были недоступны для моего понимания.

— Я учитель русского языка, а сын не может имя написать, — говорила мама, глядя мне в лицо. — Зато ты у меня такой красивый, белобрысый.

Она утешала меня, играя с волосами, и это было обиднее всего.

— Некрасивый. Некрасивый! Я некрасивый!

Убежав в нашу с сестрой комнату, заплакал. Хотелось быть умным, а не красивым.

— Опять нюни распустил! Девчонка.

Может, я и есть девчонка?

Во-первых, я трус.

Во-вторых, у меня женское имя.

Пусть у меня есть писк, а не дырочка, не пушок. Но в остальном же похож на девчонку? Глаза у меня голубые, как у сказочных красавиц. Волосы светлые, как у блондинки. Если мне сказать грубое слово, сразу же плачу. Мне нравится рисовать, и я не могу никого ударить. Я ни разу в жизни никого не ударил, даже когда нападали. В детском саду дети бьют друг друга, кричат друг на друга, а я всегда боюсь, убегаю, если надо разозлиться, прячу лицо в руки. Сестра может толкнуть меня. Один раз она щекотала меня, и я завыл.

Возникло матерное слово. Сам не понял, как оно вырвалось.

День был выходной, все были в сборе. Слово висело перед нами, все уставились на него.

— Дикобразка, — поправил я себя. — Я так хотел сказать.

Папа подошел ко мне и легонько ударил по губам. Больше я на сестру не кричал, сразу плакал.

Мама усадила меня на колени:

— Ничего, ты научишься писать. Давай порисуем пока?

— Я девчонка?

— Нет, ты мальчик.

— Он девчонка! — засмеялась сестра.

Приснились огромные куклы. Я лежал в деревенском домике, каким его видел в сказках по телевизору. Большие злые куклы пили чай. Я зашевелился, начал подниматься на постели. Изображение было черно-белым, но я светился, мои руки были цветными.

— Пряниками сыт не будешь.

— Да, нужно положить на хлеб ребенка.

— Хорошенькую девочку.

— Хорошеньку тепленьку белобрысую девоньку.

Не очень понимая их разговор, я попытался выбрать-ся из кровати. Одна из кукол заметила меня и облизалась:

— Какая здесь маленькая милашка!

— Ням-ням! — подхватила вторая.

— Ням!

С воплем я подскочил на своем кресле-кровати и из детской побежал в родительскую комнату, проходную. В Сибири мы называли их «зал». Я думал, что мама меня утешит и уложит между собой и папой. В зале я взобрался на их кровать и попробовал завернуться в одеяло. Меня тут же подняли в воздух.

— Тихо! — очень зло сказал папа.

— Ты что орешь? — сказала мама.

Папа быстро отнес меня на кухню. Не включая света, усадил на табурет и держал, пока я не успокоюсь и в темноте не разгляжу его лицо. Папа тоже был черно-белым. Его строгое имя «Игорь» было не сократить. В мамином «Ирина», или «Ира», тоже был звук «р-р». Даже сестру Олю можно было называть «Ольга», и это «га» в моем представлении, несмотря на дурацкие ассоциации, было подобием стержня. Но мое «ге», и особенно когда мама

содержание

Луноход-1	5
Восхождение	175
Птичья гавань	213
Послесловие	273

Литературно-художественное издание

алехин евгений игорович
луноход-1

18+

Куратор серии *Виктория Сафонова*
Выпускающий редактор *Анастасия Козакевич*
Литературный редактор *Антонина Семёнова*
Корректор *Светлана Луконина*
Дизайн обложки, макет, компьютерная верстка
Татьяны Перминовой

Подписано в печать 22.12.2023. Формат 84 × 108 ¹/₃₂
Усл. п. л. 14,7. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 21, стр. 7, пом. 2
тел.: +7 (985) 8000 366
www.gorodets.ru
e-mail: info@gorodets.ru, vvg@gorodets.ru

Книги по цене издательства в интернет-магазине gorodets.ru
или в наших книжных магазинах:

«Во Весь Голос. Москва»
г. Москва, Трубная улица, 21
«Во Весь Голос. Санкт-Петербург»
г. Санкт-Петербург, улица Маяковского, 19

Отпечатано в полном соответствии с предоставленным
оригинал-макетом в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru | sales@chpd.ru | +7 (499) 270 73 59

Евгений Алехин родился в Кемерове в 1985 году. Сменил несколько вузов (не окончив) и великое множество мест работы: от продавца розничной торговли до киноактера; был одним из первых лауреатов широко рекламируемой по ТВ литературной премии «Дебют» — вследствие чего еще совсем юношей допился до микроинсульта. В настоящее время придерживается ЗОЖ, проживая в Санкт-Петербурге; пишет книги, ездит в туры с музыкальными проектами.

Книга «Луноход-1» состоит из трех наиболее лиричных и интимных прозаических текстов автора, способных стать любимцами у самого искушенного читателя.

ISBN 978-5-907762-19-0

9 785907 762190

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

